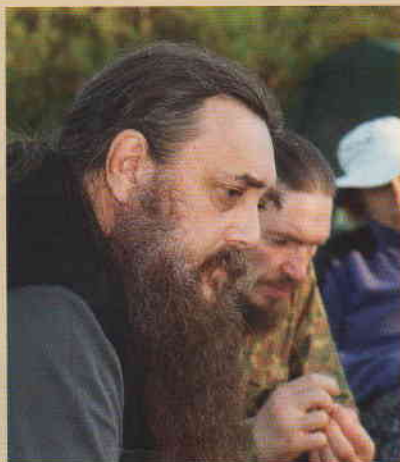

Мне довелось прийти в обитель на самом излёте 90-х. Русская Церковь тогда активно восстанавливала лежащие в руинах монастыри и храмы. Но если стены возводить удавалось вполне успешно, то восстановить уничтоженный в начале XX века изгнанный, расстрелянный, замученный в лагерях трёхсоттысячный корпус русского священства было, конечно, невозможно. Двери храмов распахнулись настежь, но служителей катастрофически не хватало. Отцы были крайне перегружены, а люди, словно сбросив морочную оторопь, шли и шли непрерывным потоком. Мы – свежее испечённые русские иноки – мечтали об уединённых лесных скитах, затворах, пещерах, о превышающих человеческие силы подвигах, но оказались в самой гуще людского потока – там, где меньше всего хотели бы оказаться.

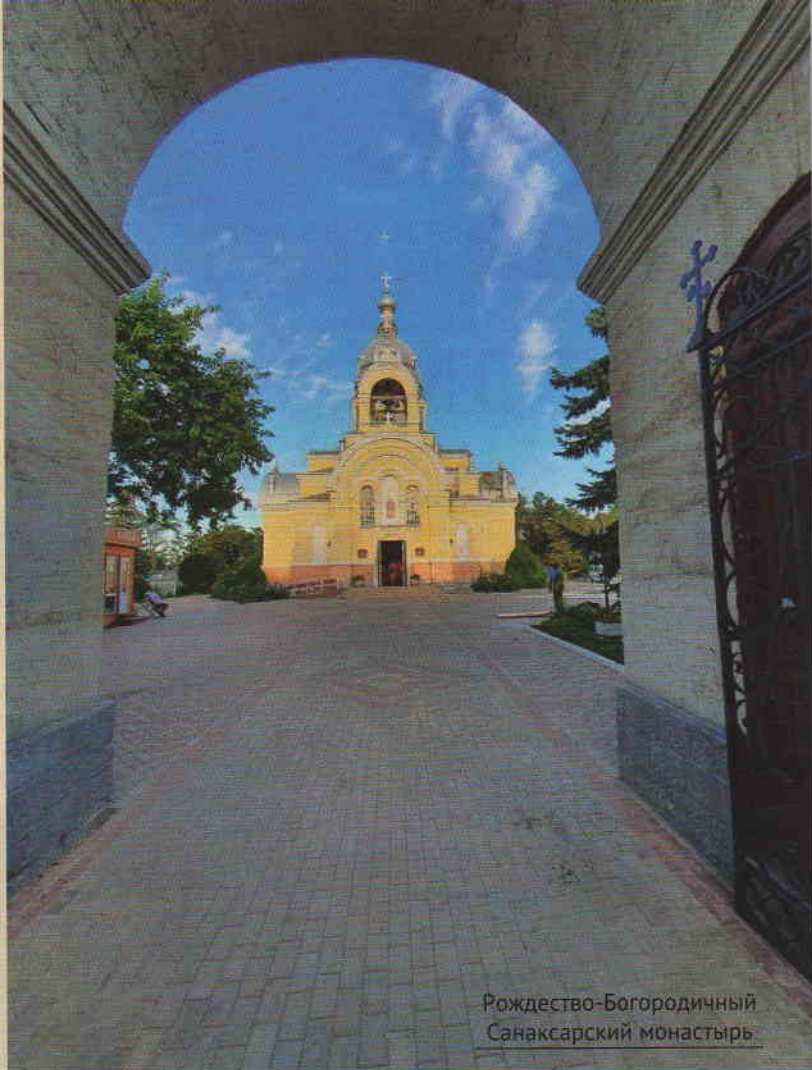
Я и сейчас помню эту картину: мы рядком на паперти у нескольких аналоев, а очередь на исповедь тянется через весь монастырский двор до колокольни. Заканчивалась служба, братья уходили на обед, потом расходились по кельям, а очередь всё тянулась и тянулась.

Мы робко возражали своему начальству: «Мы же не для этого сюда пришли!» – «Потерпите! Скоро всё устроится, и всё будет по-другому», – отвечали нам.

Стало ли по-другому – судить сложно. Нам не с чем сравнивать. Мы никогда не жили в другой монашеской культуре, в другой стране, в другое время. Надеюсь, всё это было не зря. Ведь не без Бога же всё это было!

Вот, собственно, из того самого тесного соприкосновения с миром и начали рождаться эти небольшие заметки.

Иеромонах Пантелеимон

Рождество-Богородичный
Санаксарский монастырь

В то утро я вернулся с ранней литургии. Едва хлопнула подъездная дверь и торопливые шаги раздалась на лестнице, я прочитал по ним: сторож спешит ко мне.

– Отец, там авва бушует! – Стоя на пороге, брат Л. смущённо пожимал плечами. – Автобусы с паломниками приехали, а на исповеди один отец А. Срочно велели всех иеромонахов собрать!

– Я на ранней исповедовал... – Это было скорее робкой попыткой.

– Я знаю. Но велели всех. Прости уж...

На входе в храм я чуть не сбил с ног женщину с дочерью.

– Простите, пожалуйста!

– Ничего-ничего! – улыбнувшись, поспешила успокоить меня женщина. – Это мы вас так пере-хватить хотели!

Девочка лет семи-восьми – чин по чину: в платьё и юбочке в пол, смешно замотанная поверх курточки огромным клетчатым шарфом, – пронзительно смотрела на меня серьёзными ярко-синими глазами и молча протягивала свёрнутый листок.

– Это что, моя хорошая?

– Передайте, пожалуйста, Боженьке, – тихо сказала она.

– Куда? – От растерянности я задал, кажется, глупый вопрос, потому что в глазах у девочки появилась тревога: мол, ты вообще поп-то настоящий, если не знаешь, куда Боженьке письма надо передавать? Она указала рукой в сторону алтаря и осторожно добавила:

– Туда...

– Конечно, конечно! – спохватился я. – Давай, моя хорошая. Обязательно передам.

– Спасибо... – Глаза у девочки потеплели: вроде настоящий поп.

Я взял листочек, улыбнулся ей на прощанье и поспешил в алтарь. По дороге всё думал, что действительно не знаю, куда мне передавать это письмо и что с ним теперь делать. Ладно, разберёмся...

Народ толпился у пустых аналоев, а служба уже начиналась.

– Давай, облачайся – и вперёд, на исповедь! – верно поторопил наместник.

– Благословите!

Я бросился к вешалке с требными епитрахиями, но вдруг подумал, что не могу обмануть эту маленькую девочку, и коль уж взялся, то обязан выполнить её поручение. Но как? И я...

– Отец наместник, простите, тут такое дело...

– Ну чего ещё? – сердито отозвался наместник, явно недовольный моей медлительностью.

– Да тут... – объяснил ситуацию, впрочем, сразу стал жалеть об этом: сейчас влетит мне... Но, на удивление, тот поднял на меня серьёзные глаза и с укоризной сказал:

– Ты что, отец, как маленький! Не знаешь, куда Богу письма передавать?

В этот момент мне подумалось, что во всём мире я, кажется, остался единственным дурнем, который ещё не знает, куда передают письма Боженьке. Все остальным это каким-то образом уже было известно.

– Вставай на колени перед престолом и читай! – добавил наместник. – Только быстрее давай! Как просто!

Я встал на колени у престола и развернул письмо. На небольшом листочке были нарисованы солнце и цветы. Маленький домик, где сейчас, наверное, уютно горел очаг: дым поднимался к небу из высокой трубы. Детской, нетвёрдой рукой было написано: «Здравствуй, Боженька! Меня зовут Таня. Сделай, пожалуйста, так, чтобы моя мама больше не болела и мы были счастливы». Мне вдруг стало так хорошо и спокойно... И пусть в письме зияли ошибки – это было совсем неважно. Сердце милой, доброй Тани не ошиблось, и это было главное!

Я стоял на коленях у престола, и в душе моей, как нежное утро, воскресало что-то... не знаю... Словно Боженька, выслушав послание, сказал мне: «Передай Тане...»

Один пожилой священник мечтал быть всадником Апокалипсиса, но в небесных стойлах для него, видимо, коня не нашлось... И он приехал к нам в подворье. К тому времени его уже успели выгнать почти из всех храмов города, причём уже как прихожанина. Мне это сразу показалось странным... Но наш наместник по доброте своей приютил его и решил выдавать продукты из трапезной – батюшка был лишён дохода и во всём испытывал нужду.

Прошло немного времени, и приход у нас разодрался как «завеса... надвое с верхнего края до нижнего». Батюшка разложил на заднем подоконнике

Санаксарский мужской
монастырь

целый иконостас бумажных икон и начал проповедовать конец мира. Его мало интересовало, что происходит в алтаре и какая часть службы теперь идёт. У заднего подоконника – возня, гул, шёпот. И, кажется, сбор денег на тайное моление...

Потом он принёс большую икону Божией Матери в чехле, который позволял удобно носить её на шее, и начал «лечить» прихожан, дубася их иконой по горбу и затылку. Очень скоро и во время Херувимской, и во время Евхаристического канона там, сзади, вовсю шло своё, самостоятельное, «служение» – люди подходили вереницей, нагибались буквой «зю», и он наяривал их иконой по хребту... Храм разделился на две литургии.

Продолжаться так больше, конечно, не могло. На все просьбы и замечания батюшка не реагировал, глаза его сразу делались стеклянными, а видом он при этом походил на мученика, смиренно принимающего «плевки и заушения». Мы спрашивали прихожан и работников храма, застигнутых во вре-

мя битья иконой, помогает ли. Они пожимали плечами. Тогда – зачем? И они снова пожимали плечами: «Ну, а вдруг... мало ли...»

Наконец приход пришёл в крайнее волнение, и наместник батюшку выдворил. В храме воцарился покой, и служба снова пошла своим чередом.

А сколько их, бродячих священников, «блаженных», «странников», «прозорливцев» и прочего «добра» прошло за это время через подворье! Не сосчитать. И каждый раз находился кто-то и по великому секрету сообщал: «Идите вон к этому... он блаженный... он сейчас с вас весь негатив снимет...» А тот сидел в уголке с суровым видом и горящими глазами. Или с придурковато-загадочными.

Какое всё-таки счастье, что мы застали живыми старцев и можем различать всю эту «благодать» – по чувству сердца... Когда мы выпроваживали очередного «святого» за ограду, тот неизменно уходит так, словно он протопоп Аввакум, погибающий в огне, но несломленный... Возможно, по их мнению,

Воскресенский кладбищенский храм
на территории монастыря

Иеромонах Пантелеимон и поэт Елена Кувшинникова у кладбищенской часовни Санаксарского монастыря, где погребён схиигумен Иероним. 13 сентября 2021 года

это должно было размазать нас, слепых пастырей, ровным слоем по асфальту. Но мне, наоборот, стало спокойно. Я шёл в келью и вспоминал, какое же это было счастье – плакать у ног сияющего любовью старца...

На выходе из храма останавливает одна и та же прихожанка и в сотый раз начинает благоговейно и слёзно причитать:

– Батюшка! Я такая гадкая, я такая грешная! Я, наверное, даже на исповедь идти не достойна! Я, чай, своих грехов никогда не замолю!

– Ну, пожалуй, да... – задумчиво почёсываю голову.

Мгновение она смотрит испуганными глазами и начинает рыдать.

– Это так жестоко! А я за вас, между прочим, молюсь!

Уже на улице ловит другая, и всё повторяется.

– Батюшка, я такая грешница! Батюшка, я такая плохая! Не знаю, как меня и земля-то носит! Что и делать, не знаю! Какая же я грешница!

Я вдруг вспоминаю совет одного старенького сельского священника и говорю ей:

– Да, я про вас слышал. Мне про вас говорили.

– Что говорили?! Кто говорил?! – она спадает с лица. Слезы высыхают, печаль рассеивается как пар поутру.

Я иду по направлению к корпусу, она бежит за мной до самой двери:

– Батюшка, подождите! Надо разобраться! Мало ли что вам там про меня могли наговорить...

Я благоговейно и важно молчу. На самом деле мне страшно. Наши озябшие души как могут, как умеют, требуют, выпрашивают, выцарапывают себе хоть пригоршню любви. Духовный закон же прост и ясен: сначала Голгофа, потом Воскресение. Другого пути, чтобы родить в мир любовь, нет! Священный сан отнюдь не освобождает от этой необходимости. И сердце человеческое трепещет и боится...

Из последнего письма

Когда говорим человеку, попавшему в трудную ситуацию в ответ на вопрос о том, что же теперь делать: «Надо молиться», в ответ слышим: «Да я молюсь. Только толку никакого». Вот и хочется разобрать: какой же всё-таки должен быть толк от такой молитвы? В чём причина молчания Небес? Бог не слышит молитву или мы молимся не так? Или мы получаем помощь, но не видим и не понимаем, в чём она именно состоит?

В самом деле, что же мы просим у Бога, когда попадаем в какую-нибудь тяжёлую ситуацию – болезнь, скорбь, неожиданная потеря? Мы просим в молитве, чтобы Господь нас помиловал. И при этом подразумеваем, что непременно должна закончиться сама скорбь. Если же этого долго не происходит, то мы унываем и думаем, что наша молитва бесплодна, не услышана. Так может быть, мы не о том просим или не совсем понимаем, что именно нужно просить?

Мы, крепко привязанные к земному и часто мыслящие только по-земному, желаем, чтобы Господь просто убрал от нас скорбь и всё. Именно это мы подразумеваем, когда читаем молитвы.

Когда Господь посылает нам скорби, то этим Он как бы даёт нам ступенечку, чтобы мы могли взобраться повыше к Царствию Небесному. Мы просим помощи – Он посылает нам эту помощь. Посылает возможность встать на эту ступенечку. Но мы недовольны, потому что хотим не этого, а чтобы искушение прекратилось. Но искушение нам необходимо, поэтому Господь не торопится его убирать, этими искушениями мы и спасаемся. Но поскольку мы не ищем другой помощи, кроме как избавиться от скорби, то мы этой помощи и не получаем. А если бы мы принимали скорби с радостью и благодарностью Богу за спасение, то получали бы помощь в виде благодати Божией. И скорбь была бы для нас нечувствительна, как и у мучеников.